

МУЗЕЙ СМЕРТИ

Мистические детективы Тамоникова

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

ВРЕМЯ МЕРТВЫХ

МОСКВА 2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 **Время мертвых / Александр Тамоников. —**
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-104583-8

Единственный в своем роде Музей смерти расположен на территории городского крематория г. Новосибирска. За внешней торжественностью и спокойствием этого необычного заведения кроется множество нерассказанных историй и неразгаданных тайн. Об этом — новый роман А. Тамоникова.

Необычный посетитель привлек внимание работников Музея смерти. Незнакомец регулярно приходил в выставочный зал и интересовался одним и тем же разделом экспозиции. И однажды попытался поджечь редкие экспонаты. Оказавшийся рядом частный детектив Никита Ветров сумел предотвратить трагедию. Посетителя задержали. Кто он? Что толкнуло его на преступление? По словам задержанного, он — не безумец-одиночка, а посланник могущественных сил, которые охотятся за уникальным артефактом, с помощью которого можно изменить существующий миропорядок...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104583-8

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мир фантомов затягивал, цеплял, уносил в бездну. Там было темно и бездонно. Я становился беспомощным, отдалялся от родного мира. Из ступора вывело негромкое ржание. Я вздрогнул, изумленно уставился на бутафорскую лошадиную морду с печальными глазами. Появилось сильное желание прочистить пальцем ухо. Галлюцинации были не только зрительные, но и слуховые. Бутафорские лошади не ржут. Фигуру животного покрывала траурная попона. На голове красовался вычурный плюмаж из страусовых перьев. Надменный кучер на облучке старинного катафалка вез в никуда гроб с телом усопшего. Скорбящая дама в черной накидке, стелющейся по полу, стояла рядом — по задумке автора композиции, она сопровождала печальную процессию...

«Вылет» был мощный, на некоторое время я полностью покинул реальность. А теперь с опаской и какой-то стыдливостью вертел головой, упираясь коленом в чугунный столбик ограждения катафалка. Глухо кашлянула женщина, осматривающая бронзовый канделябр XIX века, по-

косилась, проходя мимо. Я вернулся в бранный мир. Черно-белая клетка на полу, повышенная плотность экспонатов на единицу площади и объема — так или иначе связанных с похоронными обрядами и ритуалами...

Подобные выпадения происходили не впервые. Большого вреда они не приносили, но дискомфорт доставляли. События последнего часа пронеслись в голове, как табун мустангов по прерии.

Утро понедельника, 13 августа, офис детективного агентства (день не просто тяжелый, а в принципе неподъемный), перепалка с помощницей Риммой, звонок, просьба Сергея Борисовича поскорее прибыть в Музей мировой погребальной культуры (если это меня не очень затруднит), долгое прозябание в пробке. «Террано» на парковке Новосибирского крематория... Сотрудница музея Лариса — симпатичная, хорошо подкованная по предмету девушка в строгом наряде — стояла за стойкой у входа и подавала мне знаки. Я воровато посмотрел по сторонам и вернулся в фойе.

— Никита Андреевич, его здесь нет, Сергей Борисович во втором корпусе, работает с женщиной — она прибыла из Москвы, чтобы собрать материал для диссертации. Он просил всех, кто к нему придет, посылать туда...

— И меня вы, конечно же, послали... — Мышцы лица худо-бедно расслаблялись, надеюсь, улыбка удалась.

— Конечно, — пожала плечами Лариса, — я вам сразу об этом сказала. Но вы были задумчивы, как тот сфинкс на улице. Кивнули и пошли дальше, пока не уперлись в катафалк.

— Я просто задумался.

— Я так и подумала...

Я снова был на улице, рука машинально тянулась к сигаретной пачке, хотя курить определенно не хотелось. Между корпусами триста метров петляющей аллеи, елочки, скамейки, опрятные колумбарии, странные предметы, экспонирующиеся на «ПЛЕНЭРЕ» и имеющие к смерти такое же отношение, как детектив Ветров — к молекулярной биологии.

Я бодро шел по дорожке, подчиняясь всем ее изгибам, поглядывал на хмурые тучи, затянувшие окраину Новосибирска. Ветер качал деревья, свистел между строениями. Температура со вчерашних вполне приличных показателей упала на десять градусов. Из туч то и дело прорывался дождик, потом затихал. Появилась странная мысль: глобальное потепление движется полным ходом; не станет ли август в наших широтах первым зимним месяцем? Состояние было крайне подозрительным. Куда унесло меня пару минут назад? Откуда дискомфорт и уныние? Заставь меня писать роман о событиях в музее, текущую главу я бы озаглавил «Предчувствие испорченного отпуска»...

Арочный свод второго корпуса простирался вглубь и пропадал в тусклом освещении. Чер-

но-белая клетка на полу, повышенное количество экспонатов — отнюдь не умаляющее их качество. В этом зале представлялись похоронные традиции разных стран и народов. Часть экспонатов были подлинные, другие — качественная имитация. Здесь устраивались массовые мероприятия, тематические выставки. В «египетской» части поблескивали позолотой древние боги и фараоны. Я уступил дорогу инвалиду-колясочнику — его сопровождала женщина почтенного возраста, стал пробираться в глубь зала.

Сергей Борисович Якушин — глава похоронного холдинга и основатель музея — действительно был здесь. Импозантный, стройный мужчина лет шестидесяти с небольшим, весь седой, с короткой окладистой бородой — он и сегодня был в форме, учтиво общался с дамой. Они покинули отдел, посвященный православным ритуалам, и вошли в сектор иудаизма. Женщина внимательно слушала, кивала, с интересом и какой-то трепетной робостью смотрела по сторонам.

Она неплохо выглядела. Среднего роста, с волнистыми волосами и мягкими чертами лица, плотная в кости, но вполне женственная, в черном деловом костюме с затейливым орнаментом на полах.

Я замешкался, не хотелось нарушать их идиллию. Поколебавшись, я начал движение, приблизился сзади — они меня не видели, увлеченные беседой. Центральную часть экспозиции занимали два гроба, установленные рядом — вернее,

один был действительно гробом со стеклянным оконцем в изголовье, а второй — его защитным козухом.

— Обратите внимание, Алла Михайловна, — говорил Якушин, — это гроб Арнольда Михайловича Каца, почетного жителя нашего города, дирижера и педагога. Он много лет возглавлял симфонический оркестр Новосибирской филармонии. Печальное событие произошло на гастролях в Пекине в 2007 году. Внезапный инсульт. Артисту было 82 года. Тело Арнольда Михайловича кремировали в Новосибирском крематории, а урну с прахом захоронили на одном из кладбищ Дюссельдорфа, где сейчас проживают его вдова и дочь. Семья разрешила оставить частицу праха для создания мемориала, он помещен в особую урну и установлен в специальной витрине, вместе с некоторыми вещами, связанными с творчеством маэстро. Всякий раз, когда его жена с дочерью приезжают на родину, они посещают мемориал, возлагают цветы в память о муже и отце...

— Прошу простить, Сергей Борисович, но разве гроб... — Женщина колебалась, у нее был мягкий приятный голос.

— О нет, что вы, — улыбнулся Якушин, — в этом гробу с застекленным оконцем усопшего доставили из Пекина в Новосибирск. А это козух для защиты гроба от механических повреждений.

— Простите за ассоциации, Сергей Борисович. — Женщина смастерила виноватую улыбку. — Вспомнился Аттила, похороненный в

трех гробах... Кажется, об этом гласит популярная легенда?

— Это не легенда, Алла Михайловна. Предводитель гуннов был действительно похоронен в трех гробах. Участвовал во многих битвах, получил прозвище Бич Божий — и при этом ни разу не был ранен. А смерть к нему пришла после бурной трапезы по случаю собственного бракосочетания с бургундской принцессой. Сердце не выдержало. Говоря поэзией, растаяло от любви, оказавшись в непривычной ситуации. До любовных утех так и не дошло, гм... Похоронили варвара с размахом. Три гроба — внутренний золотой, потом серебряный, снаружи железный... Легенда, конечно, приукрашивает — обычные гробы, просто обиты золотыми, железными и серебряными пластинами. Железо символизировало наши суровые реалии, серебро — это мир, куда попадает после смерти душа; золото — бессмертный дух, обретающийся во всякой тленной оболочке. Примерно так... Раз уж мы зашли сюда, Алла Михайловна, то не могу отделаться молчанием. Похороны в Израиле — не такие, как в других странах. Дело даже не в государстве, не в канонах иудаизма. Там нет частных похоронных контор. Есть монополист — коммерческая служба ритуальных услуг «Хевра Кадиша». Она берет на себя всю организацию похорон, общается с родными, готовит покойного к погребению. Выполнение обрядов и их хронология — обязательны. Например, надрыв одежды. Очень много запретов. Тело умершего считается

священным, заслуживает почитания и бережного обращения. Все делают достойно, но без показухи и суеты. Покойника не бальзамируют, не применяют грим — это оскорбительно. Стараются избежать аутопсии. Использование органов и тканей для донорских целей — под запретом. С телом визуально не прощаются, спешат завернуть в белую материю и уложить в обычный деревянный гроб. Иногда возле тела сидит специальный человек, охраняет покойного и читает псалмы. Кстати, у иудеев тоже принято бросать горсть земли в могилу — ты совершаешь благодеяние для умершего. Не скажу, что все евреи следуют ритуалам — там много православных, католиков, атеистов, — но традиции иудаизма тем не менее таковы...

— Да, я что-то слышала про бюро «Хевра Кадидиша», — кивнула женщина. — Служба работает неплохо, но люди жалуются на цены. А других вариантов нет...

— Ну, что поделать, — развел руками Якушин, — мир не идеален. Человеческая жадность — явление повсеместное. А в условиях монополизма — чего же вы хотите?

— Ой, я была недавно в Германии, — вспомнила женщина, — изучала схожий материал. Знаете, люди тоже жалуются: внешне все пристойно, торжественно, но цинизм ритуальных контор не ведает границ, а цены — преград. Даже для Европы очень дорого. Нормальные похороны — от семи тысяч евро. Бюджетные — как минимум три. А какая бюрократия! Бумаги оформляются неде-

лями, крючкотворство — нашим и не снилось. Бывает, что два месяца проходит со дня смерти до церемонии погребения, разве это нормально? Мучают живых, мучают мертвых... А еще место на кладбище — две с половиной тысячи. А еще ежегодно нужно вносить плату за благоустройство кладбищенской территории. Думаете, почему кладбища на Западе такие чистые и ухоженные? Немцы — не самые бедные люди в Европе, но даже для них эта ноша тяжела...

— Вы правы, — кивнул Якушин, — человек умер — уже тяжелое бремя. А похоронные конторы и бюрократы только усугубляют его. Мы стараемся в нашей организации бороться с подобными проявлениями... Кстати, именно по причине дороговизны ритуальных услуг европейцы еще при жизни открывают похоронные счета, чтобы в трудный час вопросы финансов не беспокоили родных. Если нет похоронного счета, а у родни мало денег, заказывают кремацию — она дешевле. Если совсем плохо с финансами, а это в основном эмигранты, то подписывают договор со специальными службами, и тела увозят на кремацию в Чехию, где процедура дешевле... Пойдемте дальше, Алла Михайловна. Перед нами — католический раздел, плюс кусочек знаменитого Мавзолея — основной, скажем так, кусочек...

— Потрясающе, Сергей Борисович, — восхищенно пробормотала женщина, — ваш охват похоронной темы просто впечатляет. Затруднюсь даже сказать, чего здесь нет...

— Шкаф Дэйви Джонса еще не подвезли, — проворчал я, прикусил язык, но дело уже было сделано.

— Ой, — сказала женщина, резко повернулась и, кажется, тоже прикусила язык.

— Не утерпели, Никита Андреевич, — усмехнулся Якушин. — Давно осязую ваше присутствие на заднем плане.

— Прошу прощения, — смиренно сказал я.

— Все в порядке, я же сам вас вызвал. Присоединяйтесь к нашей компании. Познакомьтесь — это Алла Михайловна Незнанская, сотрудница Института этнологии и антропологии имени Н. Миклухо-Маклая. Является ведущим сотрудником Центра этносоциологии; направление работы, если не ошибаюсь, — этнические культуры и социальные структуры.

— Все верно, Сергей Борисович, — улыбнулась женщина. — Институт находится в Москве на Ленинском проспекте, я работаю в нем почти шесть лет. Собираю материал для кандидатской диссертации по теме «Ритуальные обряды XIX века в Сибири, на Урале и на Дальнем Востоке». Я поражена, — не пожалела она крупицу лести, — возможно, в вашем музее есть не все, что мне нужно для работы, но очень многое...

— Алла Михайловна уже четыре дня в нашем городе, — сообщил Якушин, — остановилась в гостинице «Ривер-Парк» и еще неделю будет ездить в наш музей, как на работу. Расстояния, конечно, большие...

— Я арендовала машину, — сообщила Незнанская, — маршрут сообщает навигатор, а ваши пробки ничем не лучше, да, собственно, и не хуже столичных. Надеюсь, мое присутствие не мешает вашей работе?

— Ну, что вы, мы всегда рады помочь коллегам. Я хорошо знаю вашего директора, который и попросил о содействии... А это частный детектив Никита Андреевич Ветров, сотрудничает с нашей организацией на договорной основе и уже распутал несколько сложных дел, связанных с артефактами.

В глазах Сергея Борисовича заблестели лукавые огоньки. Мне вспомнилось последнее дело, связанное с гробницей некоего древнего товарища, и в горле застрял ком. Пришлось откашляться.

— Очень приятно, Никита Андреевич. — Женщина протянула руку.

— Мне тоже очень приятно, Алла Михайловна... — У нее была располагающая внешность, и все какое-то круглое. Круглые ладошки, круглое лицо, и даже имя с отчеством были круглыми — язык перекашивался, когда приходилось их произносить. Она поступала правильно, выбирая темные цвета в одежде. Но доля «утолщенности» не мешала ей выглядеть изящно и с шармом.

— Прошу прощения, — вдруг нахмурилась Алла Михайловна, — а что там со шкафом Дэйви Джонса, который еще не подвезли?

— Никита Андреевич шутит, — поморщился Якушин, — «Шкафчик Дэйви Джонса», «сундук

Дэйви Джонса» — сленг английских, а потом и американских моряков. Упомянутый товарищ — злой дух, живущий в море. Умерших от болезней или погибших в бою моряков заворачивали в саван, утяжеляли грузом и сбрасывали в море, где они и покоились на дне. Традиция получила название «залечь в шкафу Дэйви Джонса». Сейчас она практически забыта — поскольку не нравится родственникам умерших моряков. Вы замерзли, Никита Андреевич? — подметил Якушин.

— Все хорошо, — отмахнулся я, — обычный аномальный август.

— Слова настоящего сибиряка, — улыбнулся Якушин. — Что вам еще показать, Алла Михайловна?

Мы стояли у силиконовой мумии Владимира Ильича Ленина. Не сказать, что вождь пролетариата лежал, как живой (кто же видел его живого?), но впечатление производил сильное. Оригинал я имел честь любоваться еще в школьные годы, когда родители возили меня в столицу. Копия явно выглядела лучше. То, что лежало в Мавзолее, было древней мумией — серой, страшноватой. То, что находилось в музее смерти, походило на человека, который ненадолго задремал, скоро очнется и продолжит свою многотрудную деятельность по становлению «самого справедливого в мире государства». Мумию окружал пышный кумачовый балдахин в форме шатра. Экспонат притягивал, возле него постоянно кто-то находился.

— Что скажете, Алла Михайловна?